

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

Чудо пи- лю ли

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

Дела судебные

Татьяна Устинова

Чудо-пилюли

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Чудо-пилюли / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2021 — (Дела
судебные)

ISBN 978-5-04-120558-4

Вечная молодость и красота – мечта многих людей. Но на этом зачастую наживаются мошенники. Стала жертвой обмана и Натка, сестра судьи Елены Кузнецовой. Она купилась на щедрые обещания и выложила за сомнительные средства крупную сумму, отложенную на обучение сына. Узнав об этом, Лена схватилась за голову! Но обманщиков уже и след простыл: сайт не работает, телефоны заблокированы. Неужели тупик? Но помощь пришла с неожиданной стороны: новое дело, которое предстоит рассматривать Лене, странным образом перекликается с печальной историей Натки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120558-4

© Устинова Т. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Татьяна Витальевна
Устинова, Павел Астахов
Чудо-пилюли**

© Астахов П., Устинова Т., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Крокодилы, бегемоты и зеленый попугай

– Раз, два, три, четыре, пять! – девушка-красавица пересчитала вешалки в моих руках и вручила мне массивную пластмассовую бирку с цифрой.

– Вышел зайчик погулять, – машинально договорила я и, боднув головой занавеску – руки были заняты, – внедрилась в примерочную кабинку.

Зайка в моем лице сегодня вышла не просто погулять, а прикупить новых нарядов. И не по доброй воле она, то есть я, это сделала, а под давлением Натки, которая твердо решила, что мне пора пополнить гардероб.

А сестру мою надо знать: уж если она что-то решила – остановить ее смогут только танки. И вовсе не стихотворные японские изречения, а бронированные огнедышащие машины. Да и то, если танкистами будут роботы бессердечные, которые не растают от ее томных вздохов-охов. При этом Наткиным упорству и целеустремленности могло бы позавидовать средневековое стенобитное орудие. Эх, эти бы ее качества – да в мирных целях...

– ...девять, десять. Девушка, у нас можно максимум шесть... – донеслось из-за шторки.

– Не надо мелочиться! К чему эти ограничения?! – эхом откликнулась невидимая, но ясно слышаемая сестрица.

Свистнула отдернутая занавеска, проскрежетали колесики тележки, боковая стенка моей кабинки содрогнулась от удара.

Не зря я помянула стенобитное орудие – вот оно и пожаловало! С тачанкой, нагруженной, вопреки исторической точности, не «максимом» с приставленной к нему пулеметчицей, а десятком вешалок с новыми тряпками.

– Лен, ты здесь? – вполголоса позвала меня сестра из-за фанерной стенки, продолжающей мелко вибрировать. – Что понравится – сначала мне покажи, а то снова купишь фигню какую-нибудь. И ту фуксию примерь обязательно!

– Когда это я покупала фигню? – обиженно проворчала я, бережно пристраивая на вешалку свой пиджак.

Дискутировать с Наткой мне не хотелось – было понятно, что разговор этот услышат и продавщицы, и дамы в очереди, а посвящать посторонних в подробности моей интимной жизни я не собиралась.

Да, я редко покупаю себе новую одежду и не слишком пристально слежу за модой, но при этом всегда выбираю вещи качественные и красивые.

Хотя, конечно, красота – понятие в значительной степени субъективное. Мне вот нравятся сдержанные однотонные наряды классического стиля, а Натка в бешеном восторге от всего летящего, полупрозрачного, яркого. Красота же? Красота. Но мне в шике-блеске некомфортно, тогда как Натка превосходно себя чувствует и в пене кружев, и в море блесков, и в ярких бесконечных переливах люрекса, и в строгих деловых джерси.

Я аккуратно повесила свой серый пиджак, расстегнула белую рубашку и в сильном сомнении посмотрела на блузку, которую всучила мне Натка. «Ой, какая шикарная фуксия! – бурно восхитилась она, увидев эту тряпочку на манекене в торговом зале. – Именно то, что тебе нужно!»

Ну-у не знаю, не знаю...

Блузка была розовой, но не такой, как одноименный благородный цветок, а как фламинго на неоновой вывеске ночного клуба. При одном взгляде на нее у меня начинали болеть глаза! Хотя, возможно, если притушить ее темным пиджаком...

Зажмурившись, я все-таки надела эту блузку цвета бешеной фуксии и посмотрела на себя в зеркало.

Ой, мама дорогая!

Или даже не мама – бабушка!

Из зазеркалья на меня испуганно смотрела костюмированная старушка. Блузка-то у нее была новая, розовая и блестящая, а вот лицо и шея – старые, желтовато-серые с прозеленью, тусклые и мятые, как жеваная тряпочка.

Я запаниковала и содрала с себя сомнительную розовую красоту, в спешке едва не лишив ее пуговиц, которые пугающе затрещали. Дрожащими руками отбросив термоядерную фуксию подальше в угол, я снова посмотрела на себя в зеркало.

Фу-у-ух... Ничего я не старушка, нормальная женщина «слегка за сорок». По нынешним меркам – эффектная молодая дама. Ну, не свежа как роза, зато вполне элегантна как хризантема.

Я торопливо облачилась в свою скучную белую рубашку и удовлетворенно кивнула отражению: вот так нормально, все хорошо.

Да ну его, этот новый гардероб, мне и со старым неплохо живется – без риска получить обширный инфаркт при одном взгляде в зеркало!

Я надела свой пиджак, одной рукой подцепила вешалки с нетронутым барахлом, другой схватила подлую фуксию и, держа ее на отлете, как какую-то заразу, вышла из примерочной.

– Ничего не выбрали? – огорчилась девушка-красавица, когда я свалила на стол перед ней все магазинное тряпье оптом.

– В другой раз, – лживо пообещала я и вышла из закутка с примерочными в торговый зал.

Странное дело: на манекене та же самая жуткая фуксия смотрелась очень даже неплохо. Это, наверное, потому, что манекен пластмассовый, у него лицо идеально гладкое, нежно-розовое и с роскошным шелком не контрастирует. А у меня, скажем честно, небезупречная кожа «слегка за сорок».

Эх... Я отвернулась от раздражающе красивого и вечно юного манекена и поискала глазами место, где можно присесть.

Ноги у меня тоже «40 плюс», их надо беречь, а Натка с тачанкой, полной нарядов, проторчит в примерочной не меньше получаса...

– Идем отсюда! – кто-то цапнул меня за локоть и повлек к выходу из магазина.

– Ты? – искренне удивилась я, оглянувшись и увидев сестрицу.

Натка выглядела строгой и даже злой, что нетипично: обычно шопинг приводит ее в наилучшее расположение духа. Впрочем, она же ничего не купила: в руках ни тряпок, ни пакетов.

– Ты ничего не выбрала? Не узнаю тебя, – вслух удивилась я.

– Я, знаешь, сама себя не узнала, – ворча, как сердитый медведь, сестра выволокла меня на улицу и потащила вдоль витрин. – На животе жир! На боках жабры! На шее морщины! И будто даже ростом меньше стала – ну, чисто карликовый бегемот!

Я резко затормозила, вынудив остановиться и разогнавшуюся сестрицу:

– Ты тоже?!

– В смысле? – Натка недоуменно моргнула.

– Я посмотрела в зеркало – и увидела там не себя, а какого-то старого крокодила! – пожаловалась я.

– Да? – горестные морщинки на лбу сестрицы разгладились. – Так это не в нас с тобой дело, стало быть. Эти идиоты в кабинках со светом намутили и зеркала неправильно повесили, вот мы и выглядим в них как старые кошелки! А я-то чувствую, что кривое зеркало...

Она развернулась к витрине, у которой мы остановились, и погляделась в зеркальное стекло:

– Ну, вот же! Высока, стройна, бела... Совсем другое дело!

– Угу, – я тоже посмотрела на пару вполне прекрасных дам в зазеркалье. – Мы еще очень даже ничего...

– И вовсе я не толстая, – Натка, уже успокаиваясь, огладила свой бока. – Так, идем пить кофе с пирожными, мы еще можем себе это позволить, а нервы надо как-то успокоить, я такой стресс пережила, ты не представляешь...

– Прекрасно представляю, – я возразила, но не против кофе с пирожными.

Запить-заесть пережитый ужас представлялось правильным решением.

Ух какая страшненькая бабусяка явилась мне в зеркальном омуте примерочной кабинки... Как вспомню – так вздрогну! Неужели я действительно становлюсь такой? Ладно, положим, сейчас виноваты кривые зеркала и плохой свет, но что будет через десяток лет?

– Надо что-то делать, – поразительно точно попав в мои скорбные мысли, вздохнула Натка, когда мы уже сидели в кафе. – Я не хочу становиться некрасивой бабушкой. И не смогу! Я, если буду видеть в зеркале такой ужас, руки на себя наложу! Дряхлые, морщинистые руки в пигментных пятнах, со скрюченными пальцами, изуродованными артритом...

– Ну, ну, Остапа понесло, – я усмехнулась, но невесело. Видение морщинистой бабули в зеркале преследовало и меня тоже. – Не драматизируй, пожалуйста. Для своих лет ты на редкость хорошо выглядишь.

– Вот! Для своих лет! – Натка голосом выделила местоимение. – А мне уже... не буду говорить, сколько, ты сама прекрасно знаешь. И я должна наконец устроить свою личную жизнь.

– У тебя есть Таганцев, – напомнила я. – Выходи за него замуж – и все устроится.

– Надолго ли? – Натка вонзила вилочку в пирожное и яростно расковыряла его. – Костя моложе меня на несколько лет...

– Всего на три года!

– А мужики даже жен-ровесниц со временем бросают, потому что те им кажутся слишком старыми! – Натка выпила кофе, как водку, – залпом, и с вызовом пристукнула чашкой по столу. – Ну, выйду я сейчас за Таганцева, и что меня ждет лет через десять? Развод и одинокая старость?!

– Костя не такой.

– Все мужики такие.

– Не все! Некоторым важнее не красота, а доброта, заботливость, душевная близость...

– Я физической хочу...

– Одно другому не мешает.

Натка задумалась, и я наконец тоже попробовала пирожное. Вкусное... Интересно, много ли жира оно добавит моим бокам?

– Как ты думаешь, почему Таганцев влюблен в меня, а не в какую-нибудь заботливую замухрышку с добрым сердцем? – спросила вдруг Натка.

Рот у меня был занят пирожным, и я только поморгала, побуждая ее продолжать.

– Потому что я красивая, – не дожидаясь ответа, сказала сестра. – Позволь напомнить, что у Кости был выбор – с тобой он познакомился раньше, чем со мной. И, если бы он ценил душевные качества выше, чем физическую красоту, то это ты, а не я, сейчас решала бы, выходить за него замуж или нет!

Я поперхнулась пирожным и закашлялась.

– Извини, если обидела. – Натка похлопала меня по спине.

– Ни... сколько...

Я утерла выступившие на глазах слезы и отхлебнула кофе, пряча за чашкой лицо, выражение которого могло сказать сестре слишком много.

Да, мне нравился Костя Таганцев, и одно время он ухаживал за мной, но моментально переметнулся, познакомившись с Наткой.

Я вовсе не ревную – мои чувства к Таганцеву не выходят за границы дружеской симпатии – и очень рада за Натку, но все же чувствую себя немножко обиженной. Самую малость. Мне просто по-женски неприятно сознавать, что я менее привлекательна, чем моя младшая сестра.

– Видишь? Значит, Таганцев такой же, как все, – заключила Натка, не заметив моей реакции.

Где-то в этой логике была ошибка. Я задумалась, пытаюсь ее отыскать, и упустила тот момент, когда сестрица приняла важное решение.

Оповещать меня о нем она не стала, так что помешать ей вляпаться в новую историю я никак не могла.

...

– Мам, ты долго еще? Я хочу мультики!

– Еще примерно полчаса, – Натка аккуратно сложила пододеяльник вчетверо, расправила ткань на гладильной доске и взялась за утюг. – А ты пока книжку почитай.

Утюг зашкворчал, жарко дыхнул паром и поплыл неторопливым корабликом, разглаживая ткань и как будто освежая цветочные букетики на ней. Словно это и не утюг вовсе, а маленькая ручная машина времени: где она проехала – там четверть века долой. Натке очень нравилась эта бытовая магия. Жаль, что нельзя вот так разгладить морщинки на собственном лице.

С другой стороны, определенно имеет значение, к чему именно применяется магия. Как ни крути, а лицо – объект куда более сложный, чем банальный конверт из обыкновеннейшей хлопковой ткани.

Пододеяльник был старый, еще бабушкиных времен, но совершенно неубиваемый. Шли годы, а ему ничего не делалось – вот что значит настоящее советское качество!

Постельное белье из натурального хлопка Натка очень одобряла.

– И как только некоторые люди спят на шелковых простынях? – сдвигая ткань на доске, чтобы прогладить следующий участок, удивилась она вслух. – Шелк же скользкий! Простыня сползает с кровати, а человек скатывается с простыни...

– Может, они их гвоздиками прибивают? – захлопнув книжку, охотно включился в дискуссию Сенька. – Простыни к кровати... Или людей к простыням...

Он замолчал, что-то прикидывая и с пугающей размеренностью постукивая книжкой по столу.

– Даже не думай! – на всякий случай строго сказала Натка, прекрасно зная тягу сына к опасным экспериментам.

– Да что тут думать, у нас же нет шелковых простыней, – с сожалением вздохнул ребенок.

– И гвоздиков, – пробормотала Натка.

Ей нравилось чувствовать себя в безопасности, особенно во сне.

– Есть суперклеи, – задумчиво молвил Сенька.

– Испортишь хоть одну простыню – не поедешь с дядей Костей на рыбалку, – пригрозила Натка и, убедившись по лицу сына, что он устрасился, прибавила громкость телевизора.

Утюжить постельное белье – занятие довольно скучное, а времени занимает немало. Совмещая полезное с приятным, Натка приноровилась ставить гладильную доску перед телевизором и возить туда-сюда утюгом, поглядывая на экран.

Сегодня она попала на программу о красоте и здоровье и первый комплект выгладила под хвалебную оду эстетическому тейпированию лица. Говорливая женщина в телевизоре захлебывалась, какая это полезная штука – «пластырный лифтинг», и сноровисто лепила на лица теток-моделей разноцветные липкие ленты.

Облепленные яркими лентами тетки делались похожими на коренных североамериканцев в боевой раскраске – сходство подметил Сенька, вынужденный созерцать Наткину теле-

программу о здоровье вместо своих мультиков. «Как индейцы на тропе войны!» – восхитился он разукрашенными лицами.

Натка подумала, что тейп-ленты покупать не будет. Во-первых, Сенька не удержится – утащит их, наклеит на себя и будет бегать по дому с боевым криком команчей. Во-вторых, не похоже было, чтобы после тейпирования тетки в телевизоре заметно похорошели. Сняв разноцветные полоски с физиономий, они выглядели чуть получше – хотя бы нормальными бабами, а не боевыми подругами Чингачгука, – но это был не тот эффект, ради которого имело смысл заниматься аппликацией. Натка льстила себе мыслью, что и без того не производит впечатления душевнобольной.

Отутюжив пододеяльник, она взялась за наволочки, и в телевизоре тоже произошла замена: вместо говорливой женщины с тейпами появился не менее разговорчивый мужчина с пустыми руками.

Он сделал пару пассивов, и на экране рядом с ним волшебным образом возникли нарядные баночки и коробочки. Они медленно плыли по кругу, образуя вокруг аккуратно подстриженной головы мужчины подобие нимба, пока он не выхватил из воздуха одну баночку.

Камера прыгнула вперед, наезжая на этикетку, ослепительно сверкнули сусальным золотом буквы названия «Elven beauty», и после вспышки на месте мужчины-фокусника оказалась эльфийская красавица: ее принадлежность к сказочной расе выдавали заостренные ушные раковины.

– Что это, крем для роста ушей? – фыркнула Натка.

Она не считала себя доверчивой особой и не велась на уговоры продавцов-консультантов, убеждающих ее приобрести по отдельному средству для локтей, коленок, пяток и прочих фрагментов организма всякий раз, когда она заходила в магазин косметики за одним лишь кремом для тела.

Эльфийская красавица в телевизоре рассиялась улыбкой, вспышка снова смыла с экрана одно изображение, и из белого поля проявилось другое: давешний мужчина с новой дамой. Одной рукой он высоко, как для галантного поцелуя, держал пальчики своей спутницы, в другой по-прежнему сжимал баночку с золотой надписью.

– Позвольте представить вам инновационные средства «Эльвен бьюти» и Анну Ивановну Соколову! – объявил мужчина, поочередно встряхнув баночку и руку дамы. – Попробуйте угадать возраст Анны Ивановны! Подсказка: госпожа Соколова уже пять лет пользуется средствами «Эльвен Бьюти».

Камера приблизилась к упомянутой госпоже, максимально крупно показав ее лицо, и застыла. Анна Ивановна молчала и, продолжая улыбаться, слегка поворачивала голову вправо-влево, очевидно давая возможность телезрителям ответить на заданный ведущим вопрос.

– Да полтос ей, не меньше! – грубо сказала Натка, хотя вообще-то госпожа Соколова выглядела лет на тридцать пять.

Было бы наивностью полагать, будто тетеньку выпустили на экран рекламировать инновационные средства в своем натуральном виде, не убавив ей визуально годков всеми возможными способами – от ботокса, филеров, мезотерапии, микротоков и пилингов до профессионального макияжа.

– Сорок! – сказал кто-то в студии.

– Сорок пять!

– Тридцать восемь!

Камера чуть отъехала и, продолжая удерживать в правой части кадра безмятежную Анну Ивановну, показала и ведущего рядом с ней. Он приветливо кивал отвечающим зрителям в студии и растягивал довольную улыбку все шире, как гармонь.

Наконец попытки угадать возраст прекрасной госпожи Соколовой прекратились, и тогда ведущий, энергично помотав головой, объявил невозможное:

– Шестьдесят восемь!

– Что-о-о?! – Натка всплеснула руками, забыв утюг на доске. – Да ладно!

– Да-да, вы не ослышались, – как будто лично ее, Наталью Кузнецову, заверил мужчина, улыбаясь, как сытый тигр. – Госпоже Соколовой недавно исполнилось шестьдесят восемь лет. Анна Ивановна, кто вы по знаку зодиака?

– Я Лев, – кокетливо молвила дама, продемонстрировав очаровательные ямочки на тугих румяных щечках.

– Настоящая светская львица! Красавица, которую невозможно не заметить в толпе куда более юных прелестниц! – вкрадчиво зарокотал ведущий, подмигнув ошалевшей Натке. – А между тем она уже давно пенсионерка! – он повернулся к даме. – И в чем же секрет вашей неувядающей красоты и прелести, Анна Ивановна?

– Вы совершенно правильно отметили, что я уже несколько лет пользуюсь средствами марки «Эльвен Бьюти», что означает «эльфийская красота», а эльфы, вы же знаете, существа вечно молодые, – бодро затарахтела эльфийка-пенсионерка.

– Да быть такого не может, – сердито пробормотала Натка. – Шестьдесят восемь ей, ага! А я тогда папа римский!

– Ты же не папа, ты мама! – тут же заспорил с ней Сенька, опять отвлекаясь от книжки.

– Вот именно, – твердо сказала Натка и решительно переключила канал.

На экран выскочил модный рэпер Диманди, в белом шелковом комбинезоне с капюшоном, отдаленно похожий на снайпера в зимнем камуфляже. Неприцельно стреляя оттопыренными пальцами в камеру, гламурный бородач тягуче заныл на одной ноте:

Я взвожу свой курок и смело делаю «Бах!» —
Попадаю тебе в сердце, между глаз или в пах,
Убиваю наповал, ты падаешь и лежишь,
Вся дрожишь и ничем уже не дорожишь...

Натка снова переключила канал. Кто как, а она дорожила крепостью своей нервной системы.

– Олег, это не твой ребенок! – отворачиваясь и прижимая к животу сверток с младенцем, заявила женщина на экране.

– А чей же, Тамара? Или ты изменяла мне, когда мы еще были вместе? – с надрывом спросил мужчина.

– Весь первый сезон, лопух, – без тени сочувствия подсказала страдальцу Натка, узнав героев знакомого телесериала. – А ты, раззява, был так занят своей карьерой в газодобывающей компании, что ничего не видел.

– Мам, ты не видишь? У тебя тряпка горит! – завопил вдруг Сенька, отбросив книжку.

Он вскочил и подпрыгнул от полноты радостных чувств: наконец-то его скука развеялась таким великолепным ЧП, как пожар!

– Твою дивизию!

Натка сдернула с прожженной ткани чадающий утюг, хрястнула его на подставку и подняла дымящуюся наволочку. Через дырку, окаймленную темно-коричневым, с экрана на нее пристально глянула подлая изменщица Тамара. Кажется, она даже улыбнулась ехидно и злорадно.

– Тьфу на вас на всех! – Натка плюнула и выключила телевизор.

Правильно говорят, что голубой экран – это зло...

– Сеня!!! – ей пришлось отпрыгнуть от водопада, обрушившегося на ее ноги с гладильной доски.

– Ты сказала – тьфу, но плевками пожар не потушишь! – радостно объявил Сенька, отступая от быстро увеличивающейся лужи с пустой кастрюлей в руках.

Пришлось начать борьбу с последствиями эффективного пожаротушения, и об эльфийском средстве для вечной красоты и молодости Натка, конечно же, забыла.

Но не навсегда. На пару дней всего-навсего.

– Мы едем, едем, едем! В далекие края! – радостно напевала Натка, вертясь на переднем пассажирском сиденье, как любопытная деревенщина, впервые оказавшаяся в транспорте немного более современном, чем телега.

Могло показаться странным, что такая модная красотка, как сестрица, столь просто-душно и искренне радуется поездке в моей старой «Хонде».

Натка не притворялась и не преувеличивала свой восторг, ведь альтернативой автомобильной прогулке со мной была поездка на рыбалку с Таганцевым и Сенькой. На правильную такую рыбалку: с подъемом до рассвета, долгой тряской по проселкам и кормлением собой, любимой, злых речных комаров!

Надо ли говорить, что к комарам модной Натке совсем не хотелось, однако она не смела признаться в этом своим суровым мужчинам – жениху и сыну. Костя и Сенька, узнай они, что их любимая невеста и мама предпочла бы рыбалке на утренней зорьке полновесную смену с киркой в урановых рудниках, были бы неприятно удивлены. Сестрица умело делала вид, будто всецело разделяет интересы любимых и только исключительно важные дела могут помешать ей быть рядом с ними в ответственные моменты поклева, вываживания и подсечки.

Сегодня таким суперважным делом оказалась необходимость помочь ближайшей родственнице, родной кровиночке, любимой сестричке – это мне, значит, – определиться с местом проведения очередного трудового отпуска.

Ведь важный же вопрос!

Наш самый справедливый суд – хоть и не урановый рудник, но работать в нем приходится много и морально тяжело. А я – не только судья, но и мать-одиночка, немолодая уже женщина, страдающая от остеохондроза, гастрита и близорукости. И если мне родная сестра не поможет, на чье плечо я обопрюсь в этом суровом и безжалостном мире?!

Должно быть, примерно так хитрая Натка объяснила Косте и Сеньке свое дезертирство из стройных рядов людей в забродах и брезентовых плащах. Я-то ее с собой не звала, тем более не настаивала на том, чтобы она непременно составила мне компанию. Я бы и так не осталась без компании: в доме отдыха, адрес которого был забит в моем навигаторе, меня нетерпеливо ждала подруга Машка.

Пару недель назад трудовой коллектив Таганского суда облетела благая весть: наш председатель, Анатолий Эммануилович Плевакин, потрянул своими обширными связями и выбил для нас нехилые скидки на путевки в подмосковный дом отдыха.

– Заграницы – это нынче не вариант, Сочи и Ессентуки честным судейским не по карману, а отдыхать и поправлять здоровье в то время, когда... Гхм... Ну, сами знаете.

Шеф из каких-то суеверных соображений старался не произносить вслух слова «пандемия» и «коронавирус». Как будто COVID-19, названный по имени, моментально материализуется и нападет на наш здоровый трудовой коллектив.

– Короче, отдыхать и оздоравливаться будут все, я прослежу, и чтобы никаких там «А я как раз хотел заняться ремонтом в квартире» или «Моей бабуле в деревне надо помочь картошку копать», – объявил Анатолий Эммануилович на специально созванном общем собрании. – Отпуска по графику, у кого дети на дистанционке и супруги на удаленке – можете брать их с собой, с «Сосенками» есть договор, что скидки распространяются на всю семью.

– Золотой человек наш начальник! – чуть не прослезилась растроганная Машка.

Она, как я знала, собиралась в отпуск к свекрам в деревню, и строгий указ Плевакина обрадовал ее не меньше, чем заключенного – неожиданное освобождение по УДО.

Машка первой из наших убыла в «Сосенки», причем семейство свое оставила дома, здраво рассудив, что в одиночестве отдохнет вернее и лучше. Тем не менее куковать в подмосковных лесах в одиночестве подруга не собиралась: наши с ней отпуска пересекались на полторы недели, и Машка активно агитировала меня провести это время вместе.

И вот я ехала в «Сосенки», чтобы осмотреться там и решить, покупать ли путевку. Может, лучше будет тихо посидеть дома – отоспаться, переделать все отложенные «на потом» дела, читать книжки и смотреть сериалы, на сэкономленные деньги купить себе новое пальто, а Сашке – модные ботинки, которые она начала выпрашивать еще летом? Это было бы неромантически, зато дешево, удобно и практично.

Однако по мере отдаления от шумного загазованного мегаполиса идея провести пару недель вдаль от цивилизации казалась мне все более привлекательной. За городом было так красиво! Леса как раз оделись в багрец и золото, а небо еще не выцвело и казалось полным свежего ветра парусом из синего шелка.

По лобовому стеклу «Хонды» то и дело скользили желтые сердечки березовых листьев, потом дорога потянулась через просвеченный солнцем бор и сделалась поперечно-полосатой, как хвост енота, от теней высоких стройных сосен.

Я опустила стекло, чтобы дышать свежим воздухом, ощутила запах хвои и, кажется, грибов – на тихую охоту я давно уже не ходила, вынужденно довольствуясь магазинными шампиньонами, которые почти не пахнут.

К «Сосенкам», которые оказались не просто «домом», а целым «загородным клубом отдыха», мы подъехали в одиннадцатом часу.

Машка, загодя предупрежденная звонком, ждала нас на парковке у ворот – свежая, румяная, с улыбкой до ушей, заботливо и мудро прикрытых флисовой шапочкой: было хоть и солнечно, но ветрено и свежо. А Машка – она всегда заботится о здоровье. Я бы не удивилась, узнав, что под актуальными джинсами-момс на ней старомодные штанишки с начесом.

– Ну, наконец-то! – подруга раскинула руки и полезла обниматься, как будто мы с ней год не виделись. – На завтрак вы, конечно, опоздали, это зря, тут такие сырники подают – язык проглотить. Но впереди у нас целый день, и я обещаю – вы его надолго запомните! За мной, мои крошки!

Непрерывно болтая, Машка провела нас в приемный корпус и там с забавной важностью отрекомендовала девушке на рецепции:

– Вот, Верочка! Это моя коллега Елена Владимировна Кузнецова, самая гламурная судья столицы, вы могли видеть ее по телевизору. И ее сестра Наталья, она работает в известном СМИ. Прошу любить и жаловать!

Хорошенькая Верочка разулыбалась, засуетилась, предложила нам чаю-кофе.

– Удачно вы подъехали, как раз очереди нет, – шепнула мне Машка. – Сейчас все быстро оформим.

Она велела нам сидеть – шустрая Верочка моментально принесла кофе, и мы с сестрой по-барски развалились в мягких креслах, благосклонно наблюдая за происходящим. Машка отнесла на рецепцию наши паспорта, пошушукалась там с Верочкой и вскоре вернулась с добычей.

– Это ключи от номера, вы живете по соседству со мной, в одном коттедже. А вот браслеты, наденьте их сразу, эту круглую блямбочку нужно будет прикладывать всюду, где требуется оплата дополнительных услуг.

– Может, обойдемся без дополнительных? – заволновалась я.

Машка уговорила меня приехать с пробным визитом на сутки, его стоимость, с учетом впечатляющей скидки действительно невысокая, включала проживание в двухместном номере, трехразовое питание по системе «шведский стол» и посещение бассейна. Мне казалось, что этим вполне можно и обойтись, зачем еще тратить?

– Попробуй обойдись, – кивнула Машка. – Но у меня не получилось, так что и ты, я думаю, не удержишься. Мы обязательно пойдем в СПА, а там, помимо бассейна, бесплатные гидромассажные ванны, бани, соляная комната и чай с печеньками. А вот массаж с эфирными маслами, обертывания всякие, стоунотерапия и прочие приятности – за дополнительную оплату, а тебе всего этого захочется, вот увидишь. Вы купальник, тапочки и прочее взяли?

– Купальник и тапочки, – подтвердила Натка и, поглядев на свою спортивную сумку, слегка нахмурилась.

Видно, мало взяла нарядов или «прочим» не запаслась.

– Полотенца и халаты тоже можно взять за доплату, – успокоила ее Машка и помогла мне надеть упругий браслет. – Ну, вы допили свой вэлкам-дринк? Не будем терять время, которое деньги!

Я послушно запихнула в рот надкушенное печенье и встала, энергично жуя. Оказалось, вовремя: в помещение как раз ввалилась целая группа товарищей, и кресла явно следовало освободить для новых гостей.

Оглядевшись на входе, девушка, явившаяся первой, подлетела к нам:

– Уже уходите?

Я не успела ответить, как деловитая барышня в модном трикотажном костюме наманикюренной лапкой вцепилась в мое кресло и боком ловко оттерла меня от него:

– Спасибо.

Я засмотрелась на нее – у девушки были зеленые волосы – и опять ничего не сказала, но она и не ждала ответа.

Захватив кресло, она тут же засемафорила кому-то:

– Анна Ивановна, сюда, пожалуйста!

Я посторожилась, пропуская элегантную женщину в эффектном наряде. В голове зазвучал голос Сашки, моей дочери и по совместительству модного блогера: «Практически монохромный лук: пальто белое, джинсы-слоучи песочные, свитер – светлый беж, шляпа цвета топленого молока, – интонации у моего внутреннего блогера были отчетливо одобрительные. – Жокейские сапоги светлой матовой кожи, сумка с прорезными ручками на два тона темнее. Шикарная дама!»

– Вы позволите? – дама остановилась у нашего столика.

– Да-да, конечно, – вежливо, но без приязни ответила за всех нас Натка, не торопясь вставать.

Деловитая барышня в модном трикотаже поглядела на мою сестрицу укоризненно, но смолчала и поторопилась усадить свою Анну Ивановну.

– Чай, кофе, горячий шоколад, холодное шампанское? – низко склонившись над элегантной дамой, барышня выслушала ее ответ и тут же умчалась на рецепцию.

– А были еще шоколад и шампанское? – свела брови Натка.

Ей явно не понравилось, что нас с ней приняли, оказывается, не по высшему разряду.

– Так, все, нам пора! – Машка потянула мою сестрицу из кресла и повела к другой двери – во внутренний двор.

Я пошла за ними. Натка на ходу оглядывалась, продолжая хмуриться. Я тоже обернулась: вокруг шикарной Анны Ивановны уже суетились какие-то люди, причем за столик к ней никто не подсел. Сопровождающие держались рядом, вид имели предупредительный и даже подбострастный, как будто кресло было тронем, Анна Ивановна – королевой, а все остальные – придворными.

– Кто это? – вслух задумалась я.

Дама выглядела и держалась как кинозвезда, но я совершенно точно не видела ее ни в одном фильме. Впрочем, нынешние звезды не такие, как раньше. В былые времена знамени-

тостями становились артисты, певцы, космонавты, и знала их вся страна. Сегодняшние селебрити – герои скандалов, блогеры-миллионщики, раскрученные коучи...

– Анна Ивановна Соколова, – словно в ответ на мой вопрос произнесла деловитая барышня, вручая Верочке на рецепции красную книжечку паспорта. И с нажимом добавила: – Вы поняли? Соколова, та самая!

Натка резко остановилась, и я едва не влипла в ее напрягшуюся спину.

– Что такое?

Сестра молча обошла меня, возвращаясь на оставленные позиции, чтобы поближе посмотреть на «ту самую Соколову».

Лично мне многозначительные слова деловитой барышни ничего не сказали – единственной известной мне «той самой Соколовой» была некая Светка, про которую когда-то пели мальчишки из популярной группы. Ну, вы помните: «Розовые розы, ля-ля-ля, Светке Соколовой, ля-ля-ля, Светке Соколовой – однокласснице мое-е-е-ей!»

Хотя мне и песня не нравилась, и Светка та наверняка не приглянулась бы. Что-то сильно не так должно быть с этой Светкой, если первый букет кавалер подарил ей в пятом классе, а второй – уже в тридцать лет. Я тоже не сторонница слишком быстрого развития отношений, но двадцать лет между свиданиями – слишком большой промежуток, по-моему...

На Натку же услышанное явно произвело впечатление. Она не поленилась вернуться к оставленному нами столику и, растолкав сопровождающих «той самой Соколовой», стала ее весьма бесцеремонно рассматривать.

Анна Ивановна, как это ни странно, не выказала недовольства происходящим, наоборот, приветливо улыбнулась бесцеремонной Натке, а потом даже сняла шляпу и выше подняла голову, позволяя как следует себя разглядеть.

– Очень приятно, – пробормотала Натка тоном, в котором было мало радости, но имелась большая доза задумчивости, и наконец вернулась к нам с Машкой.

– Что это сейчас было? – тихо спросила я.

– Потом расскажу, – пообещала сестра, и мы наконец вышли во двор.

По ухоженной территории с обширными зелеными газонами и цветочными клумбами Машка провела нас к нашему коттеджу. Мы оставили в номере свои сумки и пошли гулять по терренкуру, рассудив, что в СПА отправимся уже после обеда, чтобы расслабиться там без спешки.

На пешеходной тропе было довольно много людей. Некоторые вышагивали со специальными палками для ходьбы, но большинство гуляло просто так, поодиночке и парами.

– Я смотрю, тут преимущественно граждане «кому за тридцать», – отметила я. – И в основном дамы.

– Кому крепко за сорок пять, а хочется быть ягодкой опять, – поправила меня Машка и захохотала. – «За тридцать», ха! Вежливая ты наша. Тридцатилетние сейчас на Бали серфингом занимаются и на Азовском море кайтингом. Просто нынешние дамы наших с вами лет при условии достойного ухода за собой как раз и выглядят на тридцать с хвостиком.

– Натка моложе нас с тобой, – напомнила я, опасаясь, что слова про наш общий возраст обидят мою гиперчувствительную младшую сестрицу.

Она и без того чем-то крепко озабочилась и топала по терренкуру с таким угрюмым видом, будто конечной точкой маршрута была гильотина.

– Поэтому она выглядит на двадцать пять, – Машка, которую я с намеком подпихнула локтем, расщедрилась на комплимент.

Зря старались: Натка нас даже не слушала. Она думала о чем-то своем и молчала, пока мы не прошли весь маршрут, в итоге оказавшись у здания столовой.

Вот тут сестрица оживилась.

– Ага! – с этим возгласом она устремила к классической афишной тумбе, украшенной свежим плакатом.

Очевидно, его налепили совсем недавно: щедро намазанная клеем бумага была еще сырой и мелко морщилась.

– О! – так же лаконично, как Натка, высказалась Машка, поглядев на плакат.

У меня зрение хуже, чем у сестры и подруги, поэтому я не сразу поняла, что именно привлекло их внимание. Лишь подойдя поближе, я узнала даму на афише, – ту самую, которую мы видели в холле приемного корпуса, королеву со свитой, загадочную Анну Иоанновну.

Впрочем, афиша любезно открывала все тайны, точнее, уверенно обещала их скорое открытие, а пока интриговала и завлекала, приглашая на мастер-класс Анны Соколовой под названием «В 68 – на 35!»

– Какая-то странная математика, что это значит? Шестьдесят восемь минут тридцать пять – чего? – задумалась Машка.

– Лет, – ответила ей Натка. – Читай дальше, видишь, тут написано: «Знаменитая Анна Соколова, лицо марки Elven beauty, расскажет, как в 68 лет выглядеть максимум на 35, и представит новую линейку уникальных инновационных средств для красоты и здоровья».

– «Никаких теорий! Только личный опыт и проверенные практики!» – подхватила я, читая с афишного листа.

– А, так эта тетка коуч, – поняла Машка. – Она на гастроли сюда приехала, стало быть. А ничего у нее маркетинг, грамотный, в целевую аудиторию без промаха бьет!

– Как жаль, что это будет только завтра, – сказала Натка, гипнотизируя взглядом нарисованную Анну Ивановну. Та на глазах хорошела, потому что клей быстро подсыхал и бумага разглаживалась, избавляя лицо марки Elven beauty от морщинок и складочек. – Я бы, пожалуй, сходила...

– За полторы тысячи рублей?! – ужаснулась практичная Машка. – Если тебе это так интересно, можно посмотреть в интернете, я уверена, там найдутся записи ее выступлений. Если, конечно, эта тетя действительно знаменитость, а не мошенница.

– Как будто нельзя быть знаменитостью и одновременно мошенницей, – хмыкнула я, вспомнив свою судебную практику. – Уж мы-то с тобой, Маша, таких повидали в зале суда...

– Потому и не ведемся на подобную рекламу, – кивнула Машка и в обход афишной тумбы двинулась в столовую. – Шагайте уже, шведский стол – это не скатерть-самобранка, самое вкусное разметают очень быстро!

Это был веский аргумент, и я не замедлила последовать за подругой. Тем более что и аппетит уже успела нагулять – на свежем-то воздухе.

Натка отстала, зачем-то снимая афишу камерой своего смартфона, и присоединилась к нам уже в обеденном зале. Мы выбрали хороший столик у самой стеклянной стены: с одной стороны открывался вид на весь зал, с другой – на заповедный лес. Сходили за едой, вернулись с полными тарелками и сели обедать.

А минут через пять за столиком по соседству с нами устроилась небольшая компания во главе с той самой Соколовой. Она успела переодеться в джинсы и свитшот и в этом незатейливом наряде выглядела еще моложе.

– Какие шестьдесят восемь? Вранье это. Ты посмотри на нее – студентка-старшекурсница! – нашептала мне на ухо Машка, примерно поровну деля свое внимание между поражающей воображение Анной Ивановной и улаживающим вкусовые рецепторы грибным супом-пюре. – Стопудово, это просто маркетинговый ход! На самом деле тетка еще молодуха, вишь, даже бойфренд у нее юный, модненький!

Рядом с госпожой Соколовой действительно сидел симпатичный парень с аккуратно подстриженной бородой. Вертлявый, чернявый и кудрявый, он смахивал на Александра Сергеевича Пушкина, и Машка, уловив это сходство, съехидничала:

– Ай да Пушкин, ай да сукин сын! Отхватил себе знаменитость в подружки!

– Прекращайте на них таращиться, – попросила я. – Это неприлично.

– Да ладно, на них все таращатся! – отмахнулась Машка.

Я обернулась, оглядела зал и поняла: да, так и есть.

Я пожала плечами:

– Должно быть, она действительно знаменитость.

– Я ее по телевизору видела, – сказала Натка. – По центральному каналу.

– Тогда – да, конечно. Суперзвезда! – иронично согласилась Машка, отодвигая пустую суповую тарелку и принимаясь за второе. – Принцесса эльфов, сестра Леголаса...

Я посмотрела на подругу с одобрением. Машка – цельная натура, ее трудно выбить из колеи. Натка вот от соседства с эльфийской королевичной Анной Иоанновной уже аппетит потеряла, а ей хоть бы хны.

Самой Соколовой, впрочем, повышенное внимание тоже по барабану, она спокойно ест – не краснеет, не бледнеет, и руки у нее не дрожат, и ложка не звякает...

Дзинь! Бряк!

Я как сглазила: хоть и не сама Соколова, но ее сосед, юный Пушкин, выронил ложку и сгорбился над еще полной тарелкой, словно пряча лицо.

– Вова, – ровным голосом произнесла Анна Ивановна. – Держи себя в руках.

– Нет, бабушка, я больше так не могу! – нервный Вова скомкал салфетку и дернулся, вместе со стулом отъезжая от стола.

В наступившей тишине его выкрик и скрежет деревянных ножек стула прозвучали очень громко.

– Бабушка? – шепотом повторила Машка и выкатила глаза.

– Малыш, мы же договорились, – Соколова понизила голос, но мы все равно ее прекрасно слышали, потому что и сидели близко, и акустика в зале была прекрасная. – Мы редко видимся, неужели так трудно провести с родной бабушкой один-единственный день?

– Ушам своим не верю! – азартно зашептала Машка, пригибаясь, чтобы спрятать разгоревшееся лицо за вазочкой с цветочками. – Она его бабушка? Бабушка взрослого парня... сколько ему может быть? Не меньше двадцати! Она и вправду бессмертная эльфа?!

Эльфийский внук Вова тем временем выскочил из-за стола и зашагал к выходу, гневно пламенея ушами. Анна Ивановна тихо вздохнула и снова принялась за суп.

Мы тоже вернулись к трапезе, но уже не болтали за едой, а работали ложками-вилками молча, в напряженной тишине. Не отвлекаясь на разговоры и наблюдения за окружающими, мы управились быстро и вышли из столовой, как и вошли в нее, в числе первых.

По плану дальше у нас был короткий отдых в кроватках, а потом поход в СПА, но Натка высказала общее мнение, заявив:

– Я теперь не усну. Объясните мне кто-нибудь, как можно в шестьдесят восемь выглядеть на тридцать пять?!

– Сходи на мастер-класс за полторы тысячи – и узнаешь, – съязвила я.

– На мастер-класс всегда успеется, – заявила Машка. – Чего деньги-то тратить... Идите за мной, сейчас мы кое-что проверим, кстати, к вопросу о мошенниках...

– Говорите потише, – попросила я, потому что мы устроили военный совет прямо на ступеньках широкой лестницы, по которой вверх и вниз шли отдыхающие, спешащие кто есть, а кто – отдыхать после еды.

Машка пристыженно замолчала, и тогда мы услышали чужой разговор на повышенных тонах.

В паре метров от нас, у широких белокаменных перил, стояли двое – эльфийский внук и та деловитая барышня, которая доставляла на рецепцию паспорт «самой Соколовой». Ее зеленые волосы слегка шевелились под ветром, как ветви ивы.

– Девчонка была бы похожа на русалку, если бы не нос с горбинкой, – нашептала мне Натка, тоже засмотревшаяся на пару у перил. – С носом-клювом при зеленой голове она здорово смахивает на попугая, не находишь?

– Тише ты, – шикнула я на бестактную сестрицу, но с места не сдвинулась.

Парень и девушка стояли и дымили, хотя курить в этом месте было нельзя, но дежурящий на входе в столовую охранник почему-то не делал им замечаний. Может, сочувствовал? Уж очень горестно Вова жаловался:

– У всех бабушки как бабушки, носки вяжут и варенье варят, а мне за что такое чудо досталось? Вышел с ней по парку прогуляться, бабке все-таки под семьдесят, надо свежим воздухом дышать, и не в одиночестве, потому как возраст-то солидный, и что ты думаешь? Элька, подруга моя, увидела нас вместе и закатила мне скандал! Приревновала меня к родной бабке!

Деловитая барышня невнятно хмыкала, но молчала, внимательно слушая.

Слушали – с большим интересом – и мы, и другие отдыхающие. Некоторые тоже останавливались на крыльце, аудитория у плачущегося Вовы становилась все больше, а он этого даже не замечал и ныл, все повышая голос:

– Пошел я с ней в супермаркет – бабушке же тяжело самой покупки нести, – среди прочего взяли бутылку вина. Так ей на кассе велели паспорт показать, а она уперлась – вы, мол, идиоты, я уже пенсионерка, какие возрастные ограничения на алкоголь? И поскандалила с кассиршей. Она же только с виду молодая, а по сути – обычная старая гримза!

– Вова, – строго сказала деловитая барышня, зыркнув в нашу сторону. – Замолчи уже, а? Не устраивай сцен. Тебе лучше было бы, если бы в свои «под семьдесят» Анна Ивановна была маразматической старухой? Ты хотел бы ее в инвалидном кресле катать и манной кашкой с ложечки кормить?

– Нет! Я просто хочу, чтобы у меня была нормальная бабушка, как у всех!

Толпа, успевшая скопиться на лестнице, неодобрительно загудела.

– Какой бессовестный юноша! – выразила общее возмущение одна возрастная гражданка.

– Эгоист! – поддержала ее другая.

– Молодой человек, вам должно быть очень стыдно! – объявила третья.

Неблагодарный эльфийский внук закатил глаза, вкрутил в перила окурочку и торопливо удалился, расталкивая негодующую публику плечами.

– Что, Вов, эти бабки тебе тоже не нравятся? – перегнувшись через перила, выкрикнула ему вслед деловитая попугаистая девушка. – А они-то ведь правильные, дряхлые и в морщинах!

– Зря это она, – пробормотала Машка, подхватывая нас с Наткой под локти. – Утекаем отсюда, крошки, тут вероятен мордобой...

– Как вам не стыдно, девушка!

– Нахалка!

– Никакого уважения!

«Правильные» бабки предсказуемо пошли в наступление на деловитую девушку. Охранник у дверей наконец проснулся и угрожающе заворчал, но мы не стали досматривать это шоу – удалились от греха подальше.

– Ты куда? – Я хотела свернуть к нашему коттеджу, но Машка меня удержала.

– Сначала в другое место. Я желаю кое-что уточнить.

Мы дошли до приемного корпуса, и там подруга оставила нас с Наткой на лавочке у клумбы, сказав:

– Посидите тут, я схожу одна. Если все вместе заявимся, ничего не получится.

– Куда это она? – Натка взглядом проводила Машку до двери.

– Куда – понятно, – рассудила я. – Интересно – зачем?

Ждать пришлось недолго – через несколько минут подруга вернулась, победно потрясая бумажным листом.

– Копия паспорта Соколовой! – объявила она, помахав бумажкой перед нашими с Наткой лицами. – Милая Верочка сделала ее по моей настоятельной просьбе...

– Нарушив Федеральный Закон РФ № 152-ФЗ «О персональных данных», – меланхолично ввернула я.

– Профдеформация – страшная вещь! – коротко посетовала Машка, одарив меня жалостливым взглядом, и деловито развернула бумагу. – Смотрите, вот скан первого разворота паспорта гражданки Соколовой. Наша Анна Ивановна – пятьдесят второго года рождения! Ей действительно шестьдесят восемь лет! Невероятно, да?

– Просто фантастика, – желчно согласилась Натка.

– Да, бывают и такие чудеса, – Машка небрежно скомкала бумажку и отправила ее в мусорную урну. – Все, теперь идем в номера, полчаса подремлем и в СПА!

Она направилась к коттеджу, и я пошла за ней, но на ходу оглянулась и увидела, как Натка разгладила и спрятала в карман выуженную из урны бумажку. Зачем она ей?

Я покачала головой: было ясно, что сестрицу чужие успехи на поприще сохранения красоты не столько радуют, сколько задевают. Обидно ей и досадно, что это не она абсолютная чемпионка мира по молодости!

– Натка, Ленка, не отставайте! – бодро позвала нас Машка уже с веранды нашего домика.

Вот кому все средства Макропулоса безразличны! Приятно посмотреть!

Машка искренне убеждена, что женскую красоту и привлекательность годы не берут, и не заморачивается, пытаясь удержать утекающее сквозь пальцы. Да у нее и не утекает ничего, все есть: и любящий муж, и прекрасные дети, и друзья-подруги, и работа... И морщинки, и лишний вес – но и уверенность в собственной неотразимости.

Может, это Машке следовало бы проводить мастер-классы?

Три с половиной часа в СПА изменили меня до неузнаваемости. К сожалению, не в том смысле, что я разом превратилась из гадкого утенка в прекрасного лебедя, хотя цвет лица определенно улучшился, щеки подтянулись и глазки заблестели.

После бассейна, джакузи с гидромассажем, соляной комнаты, просто массажа, грязевого обертывания – Машка была права, мы перепробовали все «допущения»! – и горячего травяного чая с сухофруктами в качестве вишенки на торте я превратилась в подобие медузы.

Причем не той, которая горгона. Я просто размякла, будто все мои косточки растаяли. Была женщина-кремь, стала кисельная барышня. Сделалось понятно, что все амбициозные планы на вечер, включавшие посиделки в баре и даже выходы на танцпол, придется отменить.

– Поужинаем – и баиньки, – прикрывая чистой розовой ладошкой зевотку, сказала Машка.

– Тут можно заказать ужин в номер? – с надеждой спросила Натка, жмурясь отнюдь не из-за того, что в лицо ей били косые лучи заходящего солнца.

Мы ползли по дорожке от СПА-центра, как три улитки. Даже переговаривались вяло, потому что засыпали на ходу.

– Нет-нет, мы пойдем ужинать в столовую! – встряхнулась Машка. – Вы обязательно должны попробовать творожный пирог с карамелизированными грушами, его вам в номер не принесут, за него надо лично сражаться на ножах и вилках с другими сладкоежками у шведского стола.

– Я не готова к битве при мармитницах, – пробормотала Натка, но активно возражать не стала, и мы пошли на ужин.

Творожный пирог с грушами оказался выше всяческих похвал, но сенсацией вечера все же стал не он.

Обеденный зал чуть ли не рукоплесканиями встретил триумфальное возвращение эльфийской королевы. Очевидно, все уже были в курсе скандала, случившегося во время обеда, когда неблагодарный внук демонстративно покинул незаурядную бабушку, и симпатии публики были полностью на стороне Анны Ивановны. Когда она вошла под ручку с присмирившим Вовой, стук ножей и вилок стих, сменившись восторженными ахами и охами.

– Вот паршивец, – даже Машка отвлеклась от любимого пирога и некультурно указала вилок на эльфийского внука. – Глядите, теперь он притворяется паинькой!

Скандалист Вова с самым кротким видом семенил рядом с бабушкой, услужливо подстраиваясь под ее короткие шаги, предупредительно поддерживал Анну Ивановну под ручку и искательно заглядывал ей в лицо.

Сама королева неувядающей красоты шествовала невозмутимо, улыбаясь краешками губ. Зато деловитая зеленовласая барышня, шагающая вслед за парочкой родственников, откровенно торжествовала и то и дело посматривала на присмирившего Вову с усмешкой, которая показала мне злорадной.

Я подумала, что это именно она призвала внука к порядку. По всему было видно, что девушка состоит при «самой Соколовой» в ответственной должности помощника – решателя проблем.

Впрочем, за ужином у нее никакой работы не было. Вова вел себя идеально, в процессе трапезы трогательно ухаживал за бабушкой и даже сбегал за бутылочкой минералки для нее. Анна Ивановна запила целебной водицей пилюлю из баночки с золотой надписью, и Натка вытянула шею, как лебедь, стремясь разобрать затейливую надпись на этикетке.

– «Эльвен Бьюти» номер пять, – сообщила она нам с Машкой, успешно справившись со своей шпионской миссией. – Запомните?

– Номер пять, как «Шанель», – кивнула Машка и спохватилась: – А зачем запоминать?

– Тебе совсем неинтересно, как эта старая гры... извините, милая дама поддерживает себя в такой форме? – сердито зашипела Натка. – Ей шестьдесят восемь! Ты вдумайся – шестьдесят восемь! Уж какими красотками были когда-то Мэрил Стрип, Сигурни Уивер и Сюзан Сарандон – считай, ровесницы этой Соколовой, – но и они сейчас смотрятся на все свои «шестьдесят с бо-ольшим хвостиком», тогда как эта гры... дама! Свежа как роза!

– Завидовать вредно, – назидательно произнесла непробиваемая Машка. – От этого портятся настроение, цвет лица и аппетит. Хочешь еще пирожка?

Моя сестра не хотела пирожка. Аппетит у нее и впрямь заметно ухудшился, так что в столовой мы не засиделись и удивительно рано – всего лишь в десятом часу вечера – отправились на боковую.

А утром мы вновь наблюдали сцену с участием эльфийского внука Вовы, но только не в столовой, как можно было ожидать, а на парковке «Сосенок».

Мы с Наткой как раз собирались уезжать, уже в машину сели, и тут провожавшая нас Машка вдруг вспомнила:

– А дары леса!

– Какие дары?

Отъезд наш сразу же отодвинулся. Моя сестрица слишком любит презенты и подношения.

– Шишки, орехи, желуди, каштаны, прикольные кривые деревяшки, – зачастила Машка, перечисляя свои сомнительные дары. – Я тут, гуляючи, целую кучу такого добра собрала, а вам ведь тоже нужно!

– Нам это нужно? – повернулась ко мне Натка.

Голос ее был полон сомнения – как в надобности шишек с палками, так и в нормальности нашей подруги.

Я молча пожала плечами.

– У Сеньки сейчас какой класс, второй? – усмехнулась мудрая Машка. – И обычная районная школа. Готовься, мамаша, впереди у вас много творческих заданий, и дай-то бог, чтобы ты узнавала о необходимости «сдать поделку завтра утром» не накануне в десять вечера.

– Тащи лесные дары, – после короткой паузы решительно кивнула Натка.

Машка убежала обратно в коттедж, а мы остались ждать ее возвращения в машине. Двигатель я раньше времени не включала, так что со стороны могло показаться, будто на парковке стоят только пустые автомобили.

Машка скрылась за оградой, но через минуту калитка снова открылась, и из нее вышел эльфийский внук Вова. В одной руке у него была спортивная сумка, в другой – ключи от автомобиля. Приметный брелок со значком «Мерседеса» болтался, поблескивая, под сжатым кулаком.

Натка, не упустившая этой детали, съязвила:

– Небось бабуля внуку своему любимому дорогую тачку купила. «Лицо» популярной марки наверняка отлично зарабатывает, а еще эти ее платные мастер-классы...

Мне тоже было интересно увидеть автомобиль эльфийского внука, но Вова не спешил нам его демонстрировать. Он стоял неподалеку от калитки, подбрасывал в руке ключики и чего-то ждал.

Еще через минуту на парковку вышла деловитая барышня, огляделась и направилась прямо к Вове.

Их голосов мы не слышали, зато прекрасно видели, как девушка вынула из кармана курточки пачку денег и отсчитала в подставленную мужскую ладонь несколько оранжевых купюр.

– Тридцать тысяч? Или сорок? – Натка не смогла подсчитать точно. – Это за что же ему?

– За то, что порадовал бабушку своим вниманием и поскандалил всего-то один раз, – предположила я, не скрыв неодобрения.

– Не дай нам бог в преклонном возрасте вот так же покупать внимание своих внуков! – расстроилась сестрица. – Нет, ты посмотри на этого поганца! Как он держится, как идет – царь зверей, а ведь старался быть зайчиком!

Молодой человек в самом деле разительно переменялся и теперь смотрелся совсем другим человеком: плечи расправлены, голова высоко поднята, глаза блестят, в лице ни намек на униженность и подобострастие.

Спрятав в карман купюры, Вова широкой ладонью бесцеремонно шлепнул деловитую барышню по мягкому месту, закинул на плечо сумку и зашагал в глубь парковки. Вскоре мы услышали писк отключенной сигнализации и удаляющийся рокот мотора. Эльфийский внук покинул двор королевы-бабки.

Деловитая барышня ушла, явилась Машка с коробкой, полной шишек и желудей, мы с Наткой приняли лесные дары на борт и тоже уехали из чудесных «Сосенок».

А уже вечером сестра позвонила мне, чтобы пожаловаться:

– Ты представляешь, она так и не сходила на мастер-класс!

– Машка? – я легко догадалась, о ком речь. – А я тебе сразу сказала, что она не станет тратить полторы тысячи рублей и два часа времени на тусовку стареющих теток.

– Мы, между прочим, тоже они! – возмутилась Натка.

И снова я поняла, о чем она, но эмоций сестрицы не разделила:

– Мы не настолько озабочены своим естественным старением.

– Говори за себя, – буркнула она. – Меня старение очень даже заботит! Хотя я теперь сомневаюсь, что оно такое уж естественное. Ты знаешь, что эта Соколова не единственная, кто выглядит не по возрасту молодо? Я посмотрела в интернете – есть и другие. Один китайский дед, ему, кстати, тоже шестьдесят восемь, выглядит на двадцать пять максимум, катается на скейтборде и по полчаса в день висит вниз головой. Говорит, это здорово помогает от морщин.

– Я не смогу вниз головой.

– Никто не сможет. Поэтому он единственный такой красавчик-пенсионер, – вздохнула Натка. – Хотя есть еще один сингапурский фотограф. Ему пятьдесят три, а на вид – лет двадцать. Правда, он честно признается, что ходит в парикмахерскую закрашивать седину, но только она и выдает его настоящий возраст.

– А он что делает, чтобы быть молодым и красивым?

– Спит по десять часов, пьет воду ведрами и ходит в тренажерный зал.

– Тоже не наш вариант, – с сожалением заметила я. – Ладно еще вода и зал, но спать по десять часов – это же абсолютно нереально.

– И я о том же, – Натка снова вздохнула. – Но ведь у Соколовой как-то получилось?

– Генетика, наверное, – предположила я. – Какая-то удивительная аномалия.

– Или все-таки эльфийские средства действуют.

– Ты в это веришь?

– Не знаю... Но многие верят, – Натка оживилась. – Машка сказала, на мастер-класс Соколовой народ ломился колонной, как раньше на первомайскую демонстрацию! Она-то сама не пошла, но наблюдала аншлаг со стороны. Эх, кто мне теперь представит новую линейку уникальных инновационных средств для красоты и здоровья...

– Может, Сашка?

– О! Точно! – сестрица оживилась. – А позови-ка мою племянницу к аппарату!

Я кликнула дочь, она подошла, взяла у меня мобильник и минут пятнадцать взахлеб рассказывала тете о разных чудо-средствах, широко известных в узком кругу бьюти-блогеров.

Я не прислушивалась: мне Сашка такие лекции читает постоянно, без всяких просьб с моей стороны. У меня уже выработалась привычка отключаться на второй минуте ее монолога и машинально кивать, не вникая в ее слова и думая о своем. Не хотелось бы думать, что это классическое начало профессиональной судейской деформации, когда судье становится «по барабану» все, что происходит в руководимом ею процессе. Я сама себя одернула и даже, кажется, ущипнула.

Сейчас нужно было подумать, брать ли путевку в прекрасные «Сосенки». Мне там понравилось, да и с Машкой хорошо – спокойно и весело...

Подруга как будто почувствовала, что я думаю о ней, и позвонила сразу же, как только Сашка вернула мне смартфон.

– Ну? – спросила она строго. – Ты приняла решение? Приедешь ко мне на отдых или трусливо отсидишься дома, пересчитывая сэкономленные тугрики?

Мне не понравился образ, который нарисовало мое воображение при этих словах подруги: Кощей, чахнувший над золотом. Кощей был женского пола – Кощеиха, ужасно несимпатичная и при этом имеющая явное портретное сходство со мной. Точнее, с той кошмарной крокодилистой бабусей, которая явилась мне недавно в зеркале примерочной.

– А вот возьму и приеду! – объявила я, тряхнув головой, чтобы отогнать пугающее видение. – В конце концов, пора уже инвестировать в себя!

– Здоровое соображение, – одобрила подруга. – Я тогда договорюсь с Верочкой на рецепции, чтобы тебя со мной по соседству поселили. Когда ты приедешь?

Мы обсудили возможные сроки, а потом Машка вспомнила:

– Забыла тебе сказать – вы с Наткой пропустили занятное шоу, это я про мастер-класс Соколовой.

– Ты же не ходила на него!

– Я ходила рядом.

– Это как же?

– Ну, мастер-класс-то проводился в Сети, нельзя же сейчас большими толпами собираться, сама понимаешь, коронавирус не дремлет, – объяснила подруга. – Но эта Соколова –

большая затейница, она вела онлайн-трансляцию из павильона для йоги. Помнишь, в парке у пруда такой стеклянный домик, прозрачный насквозь?

Я помнила:

– Похож на аквариум.

– Точно! И вот представь себе картину маслом: вечер, темно уже, стеклянный кубик ярко освещен, а в нем Соколова наша перед камерой. Руками машет, лицом играет, рассказывает что-то – мне не слышно, я просто так сижу на лавочке, живьем, без интернета. А тетки-бабки и даже несколько мужиков толпой стоят вокруг павильона, уткнувшись в свои смартфоны точно зомби: с ноги на ногу переминаются, покачиваются, молчат. И морды у всех кошмарные, с синевой, потому что экранчиками снизу подсвеченные!

Я захихикала.

– И все это в полной тишине, представляешь? Зомби-апокалипсис в «Сосенках»!

– Зачем же они там стояли, ведь онлайн-трансляцию можно было из любого места смотреть?

– А стереоэффект? – Машка тоже засмеялась. – Соколова в аквариуме, Соколова в смартфоне – это же как в мультике про Простоквашино: «Вашу маму и там, и тут передают»!

– Вашу маму! – я спохватилась, что не обсудила свой предполагаемый отъезд в дом отдыха с дочкой. – Машуня, я тебе завтра позвоню, ладно? Надо с Сашкой поговорить, вдруг она будет против моего отъезда?

– Десятиклассница-то? Против отъезда строгой мамы? Ха! Вот увидишь, Сашка будет категорически «за», – напорочила подруга и сразу же посоветовала: – Ты только договорись с сестрой, пусть почаще ее навещает и контролирует.

– Кто еще кого контролировать будет, – я хмыкнула, прекрасно зная, что Сашкин уровень ответственности в сравнении с Наткиным – как Эверест рядом с кротовьей норкой. – Я попрошу их навещать друг друга, а Костю Таганцева – присматривать за обеими, так будет надежнее.

– И докладывать лично мне! – для полной надежности добавила я.

Быстро и без проблем решив все оргвопросы, я легла спать в превосходном настроении, и снилось мне приятное: звездное небо, лес, озеро, уютные домики с ярко освещенными окнами – и никаких там зомби со смартфонами.

Глава вторая

Натка против Бабы-яги

– Что делаем? Все как обычно? – Марина приладила Натке пластиковую накидку-пеньюар и вытянула из пучка шпильки.

Волосы рассыпались по плечам. Натка поморщилась. Пучок-то был еще ничего, аккуратный, а вот распущенные волосы красотой и ухоженностью не блистали.

Марина приподняла один локон и прямо сказала:

– Секутся волосики-то. Подзапустили вы их, Наташенька.

Натка пожала плечами. Пластик на них оживленно зашуршал – это сошло за ответ. Марина, большая любительница поболтать, в особо разговорчивом собеседнике не нуждалась.

– Ну да, ну да, конечно, понимаю, сначала этот карантин, потом лето, солнце, ветер, соленая морская вода, вот бедные волосики и захирели, – сама себе все объяснила она. – Но вы ж не девочка неразумная, Наташенька, должны понимать, что без ухода вам уже никуда.

Натка слегка нахмурилась. Всем хороша была парикмахер Марина – и мастер прекрасный, и цены не ломит, и записаться к ней всегда можно на удобное время, но эта ее жуткая бестактная прямолинейность! Ну видишь ты, что клиентке уже не восемнадцать, так зачем же сыпать соль на рану?

А парикмахерша все не унималась:

– Есть у меня одна клиентка, она совсем бабушка уже, у нее внуков то ли двое, то ли трое, за шестьдесят ей, а коса, вы не поверите, прямо девичья! В руку толщиной, волосок к волоску, и блестит, как лакированная. Конечно, красить приходится, хотя она только хной, никакой химии, но со спины посмотришь – никогда ей шестидесяти не дашь, а все почему?

– Да, почему? – расшедрилась на реплику Натка.

Про бабушек, которые выглядят совсем как девушки, ей было очень интересно.

– Потому что ухаживает за волосиками-то! Масочки, скрабики, отварчики – все применяет, не ленится, не то что некоторые.

Некоторые в лице Натки слабо покривились. Масочки, скрабики... Мертвому припарочки!

К числу тех неразумных, очень замороченных или попросту ленивых женщин, которые безобразно себя запускают, едва родив, Натка не относилась. Другое дело, что ей очень долго казалось, будто старость – это такой миф-страшилка. Ею пугают, ее с тревогой и страхом ждут – примерно как апокалипсиса, который все не наступает.

Конечно, люди вокруг нее старели, но Натка почему-то не соотносила происходящее с ними с собой. Ей странным образом думалось, что лично ее никакие возрастные изменения не коснутся. А если и коснутся, то слабо. А если и не слабо, то очень нескоро! Некрасивая старость страшной Бабой-ягой маячила где-то очень далеко, на горизонте, как когда-то коммунизм, который, кстати, так и не наступил.

Был такой хороший советский мультик – «Баба-яга против», так вот Натка была идейным противником самой Бабы-яги, которую воспринимала как олицетворение пугающей старости.

Если вдуматься, в детстве и юности Натка и в смерть от старости не верила, в глубине души считая себя вечной как эльфы. Да, их с сестрой родителей не было в живых, но они погибли в аварии. Вот такая смерть – внезапная, налетающая вихрем, сминающая не только хрупкие тела, но и железо, была вполне реальна.

А старость ассоциировалась с любимой бабушкой и как бы являлась только ее отличительным признаком. Это у бабушки имелись морщины, седина, выпуклые вены и узловатые пальцы. У Натки ничего такого быть не могло!

Когда она обнаружила у себя первые морщинки – едва заметные тоненькие лучики в углах глаз, – пережила настоящий шок. Это было пугающее откровение: оказывается, она тоже стареет! Не умозрительно и формально, постепенно увеличивая количество свечек на торте, а на самом деле.

Осознав опасность, Натка стала всеми силами тормозить процесс, приближающий ее к образу горбатой седой бабуся с артритными суставами и обвисшей грудью. Она пробовала все, включая даже пластику, оказавшуюся, впрочем, неудачной.

– Не понимаю я тебя, дорогая, – досадливо говорила умная старшая сестра Лена, когда выяснялось, что Натка в очередной раз потратила кучу денег «на красоту». – К чему такой фанатизм? Как говорится, все там будем.

В такие моменты Натка думала, что Лена не так уж и умна. Она же *старшая*, должна понимать, что станет страшенькой бабусей даже раньше младшей сестры, так почему не тревожится, не ищет, как и чем спастись?

– И что плохого в том, чтобы стать бабушкой? – недоумевала неумная старшая сестра. – Какая у нас с тобой бабулечка была, а? Ты вспомни – чистое золото! И вот представь: появятся у Сеньки дети, твои, Нат, родные внуки. Разве ты не захочешь, чтобы они тебя бабушкой звали?

– Да пусть зовут как хотят, – бурчала Натка, не без опаски поглядывая на Сеньку.

Тому до своих детей было еще расти и расти, в ближайшие пятнадцать-двадцать лет о внуках и думать не стоило. Тем не менее Натка, конечно же, загодя мысленно примеряла роль бабушки, обещая себе, что станет для своих маленьких внуков лучшим другом. Будет читать им книжки, отвечать на сто миллионов детских вопросов, водить малышей в зоопарк и кормить с ними уточек на пруду.

Она и с Сенькой все это делала, но реже, чем надо бы, и всегда в режиме цейтнота, в спешке и на нервах, потому что свободного времени, которое можно потратить на общение с ребенком, катастрофически не хватало. Работающая мать-одиночка – это крайне непростой режим. «Ничего, с внуками наверстаю», – оптимистично думала Натка и представляла себе красивые картинки, на которых прелестных нарядных крошек обнимала очаровательная и привлекательная... не бабушка, нет! Элегантная дама не первой, но все же молодости.

– Красочку берем обычную, под свой родной цвет? – Марина ловко чиркнула по Наткиной голове расческой и пытливо всмотрелась в сделанный пробор.

Натка, наоборот, закрыла глаза. Вид отросших корней с пробивающейся сединой ее нервиловал. К счастью, можно было положиться на опытного парикмахера и весь процесс преобразования провести в полудреме под убаюкивающую болтовню мастериц между собой и с клиентами.

– А свой родной у нас светло-русый пепельный, – задумчиво ворковала Марина, перебирая Наткины пряди. – Конечно, цвет красивый, редкий... Но, Наташенька, седых волосиков много уже, и корни как раз отросли, можно попробовать колорировать цвет в цвет, это сейчас очень модно. Как насчет того, чтобы оставить седину?

– Что? – глаза открылись так резко, словно над ухом у Натки выстрелила пушка.

– Седые волосы как раз в тренде, это очень модно, – повторила Марина. – Да, девочки?

И девочки-мастерицы закивали, загомонили, подтверждая: да, седина сейчас на пике популярности. А как удобно-то – не надо каждые две недели закрашивать отросшие корни! И модно, и стильно, и волосики от едкой краски отдыхают.

– Нет уж, закрашивайте! – потребовала Натка, подумав, что ноги ее больше не будет в этом салоне.

Давайте вы, Наташенька, целиком поседете – каково? Давайте я еще вся сморщусь, как печеное яблочко, для пушего соответствия образу!

– Ладненько, сединку закрашиваем, кончики подрезаем, делаем хорошую оживляющую масочку, – поймав в зеркале гневный взгляд возмущенной клиентки, мастерица Марина тут же

пошла на попятную. – Светло-русый – отличный цвет, вам, Наташенька, очень к лицу, освежает и молодит...

Лучше бы ты молчала, сердито думала Натка, сидя в кресле, вокруг которого сновала болтливая мастерица. Ее уже покрасили, сделали оживляющую масочку и теперь выравняли длину, а она все никак не могла успокоиться – каблучки туфель нервно притопывали по кафельной плитке пола, на который осыпались отстриженные пряди. И волос эта глупая курица Марина отрезает слишком много, вместо двух сантиметров – пять или шесть, будто в дюймах считает! Определенно мастера пора менять.

На маникюр-педикюр Натка оставаться не стала, мстительно подумав, что отнесет свои денежки в другой салон.

– Мам, это ты? Что-то рано! – покричал из глубины квартиры Сенька, когда она открыла дверь своим ключом.

Они расстались утром у школьных дверей. Натка сдала ребенка учительнице и отправилась в парикмахерскую, благо могла себе это позволить. Ситуация во время второй волны пандемии развивалась по принципу «Нет худа без добра»: у множества офисных тружеников, включая Натку и ее коллег, отпала необходимость с утра пораньше ехать на работу и сидеть там до самого вечера. Можно было самостоятельно планировать трудовой день, впихивая в него и личные вопросы вроде похода в салон красоты. Главное – рабочие дедлайны соблюдать.

– Это я-то рано? А сам? – Натка поставила сумку, разулась и пошла на звуки взрывов и выстрелов.

Ну так и есть: ребенок сидел за компьютером и самозабвенно рубился в виртуальную стрелялку. Так увлекся, что не остановился даже при появлении матери, прекрасно зная, что она происходящее не одобрит.

– А в нашем классе Витька Монахов на карантине по ковиду, у него папа заболел, так нас по домам разогнали, минимум две недели будем по зуму учиться. – Сенька, даже не повернув головы в сторону вошедшей матери, яростно защелкал мышью, и в суровом мире компьютерной игры грозно застучал тяжелый пулемет.

– Отлично, – мрачно проговорила Натка.

Она по опыту, приобретенному еще весной, знала, что две недели учебы по зуму – это не лафа какая-нибудь, а суровый приговор. Причем не только детям, но и родителям.

Ах, где те славные времена, когда школьные уроки банально прогуливались? Увы, в прекрасном прошлом, где сама Натка была ученицей с бантиками в косичках – светло-русых пепельных, без всякого намека на седину...

– Заканчивай войну. С уроками помощь нужна?

– Не, там ниче сложного... Ща я тут одну «вредоносную дрянь» замочу...

– Нет, ничего, сейчас, убью, – Натка занудно поправила речевые ошибки сына, затруднившись только с вредоносной дрянью. Как бы ее назвать? Может, мастерицей Мариной? – Все, Арсений! Гейм овер, я сказала!

– А чего сразу овер, я же только что гранатомет раздобыл, дай хоть разочек шмальнуть! – ребенок зловеще прищурился, хлопнул по мышке, и монитор под звучное «трах-бабах!» окрасился красным.

– Не шмальнуть, а выстрелить, – машинально поправила Натка. – Вижу, попал?

– А то! – Сенька быстро сохранил игру и крутнулся на стуле, разворачиваясь к матери. – О, а ты сегодня красивая!

– Правда? Спасибо, мой дорогой! – Натка потрепала сына по вихрам и пошла в кухню.

Проходя мимо зеркала в прихожей, она притормозила и повертелась, рассматривая себя. И впрямь красивая. Без всякой седины.

– Так держать! – сказала Натка своему отражению и пошла варить пельмени.

Пельмени, налепленные коллективно, в шесть рук, достаточно было вынуть из морозилки и сварить в кипятке. Предварительно, конечно, выбрав из коробки с не соответствующей действительности надписью «Конфеты шоколадные ассорти» те жутковатые кривобокие «бомбочки», которые вышли из рук Таганцева.

Старший лейтенант страдал гастрономическим гигантизмом, у него почему-то никак не получались аккуратные пельмени размером с грецкий орех, а выходило что-то несуразно большое и корявое – не то репка, не то тыковка, только из теста и с мясом внутри. Фарша Таганцев не жалел, искренне полагая: чем его больше, тем лучше. Он и котлеты лепил, которые жарить приходилось исключительно поштучно, потому как на сковороду они помещались только по одной.

Улыбаясь, Натка поставила на огонь кастрюлю, разобрала пельмени ассорти и стала ждать, пока закипит вода. Просто ждать было скучно, поэтому она взяла смартфон, проверила почту, ответила на пару рабочих вопросов в редакционном чате, заглянула на «фейсбук» и увидела в ленте знакомое лицо. Кто-то из фейсбучных друзей-подруг, очевидно, тоже впечатлился рекламой инновационных средств «Эльвен Бьюти» и выложил ссылку на «Ютьюб»-канал лица марки – незабвенной (забудешь такую!) Анны Ивановны Соколовой.

Удивительное дело, до чего техника дошла: стоит только о чем-то подумать – и собственный компьютер или гаджет моментально предложит тебе это «что-то» приобрести! И расскажет, как, где и почему это можно сделать прямо сейчас, сию же минутку, без хлопот и проблем.

– Вы что, мысли мои читаете? – пробормотала Натка, не конкретизируя, к кому она, собственно, обращается.

За просмотр видеороликов на «Ютьюбе» денег с нее не попросили, а раз так, то грех было не взглянуть, о чем там рассказывает миру королева красоты в возрастной категории «60+».

Роликов было много, коротких и незатейливых. Их не снимали в студии на профессиональную камеру – похоже, Соколова обходилась без оператора, сценариста и режиссера, ограничиваясь собственными силами и телефоном. И сэкономила на гриме и стилисте-визажисте: снималась без косметики, а-ля натюрель, с незамысловатой прической «конский хвост» и в наряде без всяких претензий. Белая футболка, укороченные широкие джинсы – и все, даже без обуви, босиком.

Правда, выглядела Анна Ивановна в таком простецком виде очень хорошо – не на свои шестьдесят восемь лет, даже не на сорок восемь. Не знай Натка точно (сама же видела скан ее паспорта!), что Соколова давно уже пенсионерка, запросто могла бы принять ее за свою ровесницу.

Названия у роликов тоже были незатейливые, однотипные, без изюминки. «Про настроение», «Про действие», «Про чудо», «Про ожидания»... Натка решила начать с чего попроще и выбрала ролик «Про настроение».

– Я думаю, мало что получится, если настроение будет неправильное, – доверительно сказала ей с экрана смартфона Анна Ивановна. – По своему опыту скажу: я специально настраивалась. Вот, знаете, прямо так становилась у зеркала и говорила сама себе: «Я верю! Верю, что все получится!»

– Это называется не настроение, а настрой, – поправила ее Натка. – Самовнушение!

– Вы можете сказать, что это обыкновенное самовнушение, – словно услышав ее, сказала Соколова. – Аутотренинг, иначе говоря. Конечно, это он и был. Я пыталась внушить себе веру в победу, в скорый и стойкий результат... В чудо.

Натка скептически фыркнула.

– И совершенно напрасно! – неожиданно согласилась с ней Анна Ивановна. – Мне не нужно было этого делать. Я каждое утро вставала к зеркалу, как... даже не знаю... как к барьеру! Будто выходила на смертный бой, на дуэль, на поединок с судьбой и временем! Вся

вот так собиралась, напрягалась, – Анна Ивановна расправила плечи, вздернула подбородок и закаменела лицом, показывая, как она собиралась и напрягалась, – и сверлила взглядом свое отражение: «Ну? Ты помолодела, похорошела? Опять нет?! Ну, я тебя сейчас... двойной дозой сыворотки с витаминами и мезороллером! И массажем, массажем! И кремом с акульным жиром и экстрактом проростков!»

Натка хмыкнула. Пробовала она тот крем с проростками, толку от него был голый ноль, а стоил маленький тюбик столько, что хватило бы на годовой запас люцерны для пары коровок.

– И только потом, когда я пришла к «Эльвен Бьюти», мне стало ясно, что я все делала совершенно неправильно, – призналась Соколова.

Натка поняла, что лирическое вступление закончилось, и стала слушать очень внимательно.

– Знакомство с «Эльвен Бьюти» научило меня вот чему: не надо яростно и нетерпеливо ждать моментального результата, это только изматывает и обессиливает, – доверительно сообщила ей Анна Ивановна. – Просто проявите доверие – и все будет как надо.

– Да ладно? – усомнилась Натка.

– Вы же не сомневаетесь, что солнце встанет утром, даже когда пребываете в глухой ночной тьме? – вопросом на вопрос ответила Соколова.

– Ой как пафосно! Уж прям во тьме! Со мной не все так плохо, – огрызнулась Натка. – Подумаешь, немножко седины...

– Вы точно знаете, что тьма рассеется, солнышко выйдет, и не орете на него в полночный час: «Выкатывайся уже, давай! Ну?!» – не услышав ее, продолжила Соколова.

– Сравнила!

– Сравнение, возможно, неточное, но ситуативное сходство есть. – Анна Ивановна расслабила лицо, напрягшееся в гневном крике на закатившееся солнце, улыбнулась и приблизила камеру, позволяя Натке рассмотреть свою гладкую свежую кожу с минимумом легких морщинок у глаз и губ. – «Эльвен Бьюти» для меня стало солнцем, и я теперь, как цветок: всегда иду за своим светилом.

На этой высокой ноте видео закончилось.

– И что сказала-то? Цветочки, солнышко... – Сердитая Натка ткнула пальцем в экран смартфона, включая следующий ролик.

– Наверное, я вас разочарую, – задумчиво сказала Анна Ивановна. – Чудес, как в сказках, не бывает. Таких, чтобы сидела среди кастрюль дурнушка-замарашка, годами руки в цыпках, ногти в заусенцах, голова засаленная, на лице жир и сажа, а потом вдруг пришла к ней добрая фея и – раз! Появилась красавица Золушка, мечта прекрасного принца! Так не бывает.

– А жаль, – не удержалась от реплики Натка.

Она с неудовольствием посмотрела на свои руки, из-за обиды на бестактную парикмахершу оставшиеся нынче без свежего маникюра. Как у замарашки Золушки...

– «Эльвен Бьюти» – не волшебная палочка, – заявила тем временем Анна Ивановна и даже помотала головой. – Из ничего не получится что-то. Хотите подольше сохранить свою красоту – сначала приобретите ее. Хотите отодвинуть старость – создайте на ее пути препятствия.

– А поконкретнее? – попросила Натка.

– Вложитесь, – повелела Соколова. – Потратьте время, силы, деньги.

– Да знала бы ты, сколько я их уже...

– Потратьте их с умом! На то, что действительно поможет!

– На средства «Эльвен Бьюти», конечно же? – сама догадалась Натка.

– Не обязательно на «Эльвен Бьюти», не факт, что конкретно для вас не существует лучшей альтернативы, – не стала настаивать Анна Ивановна. – Мой личный выбор – «Эльвен Бьюти», но это потому, что я для себя ничего более эффективного пока не нашла, – тут она

тонко улыбнулась. – Может, что-то другое омолодило бы меня не на тридцать лет, а на все пятьдесят.

– Да побойтесь Бога, бабушка! – возмутилась Натка. – Куда вам еще?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.